

Годъ II.

ВѢСТНИКЪ
ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. М. ВИНАВЕРОМЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

проф. Д. Д. ГРИММА,

проф. В. Б. ЕЛЪЯШЕВИЧА,

проф. Бар. А. Э. НОЛЬДЕ,

проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТА

и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО,

№ 4.

Апрѣль.

1914 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Василій Лаврентьевич Исаченко.

(Къ 75-лѣтію со дня рожденія).

Василію Лаврентьевичу Исаченко исполнилось на дняхъ (6 апрѣля) 75 лѣтъ отъ роду. Судебный дѣятель, добросовѣстно исполнявшій свой долгъ на всѣхъ ступеняхъ служебной карьеры и удосужившійся при этомъ одарить цивилистическую литературу огромнымъ шеститомнымъ комментариемъ къ гражданскому процессу, учебникомъ судопроизводства, изслѣдованіемъ объ основахъ процесса, монографіями объ особыхъ производствахъ и о мировомъ судѣ, двумя систематическими сводами сенатской практики (по матеріальному праву и по судопроизводству), наконецъ обширнымъ комментариемъ къ обязательствамъ по договорамъ, не считая многочисленныхъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ въ спеціальныхъ повременныхъ изданіяхъ. Явленіе у насъ совершенно исключительное. У насъ *книги* пишутся только представителями университетскихъ кафедръ;—практики, отвлекаемые отъ усидчивой и систематической литературной работы измѣнчивыми интересами дня, не умѣютъ привести объ сферы дѣятельности въ такую гармонію, при которой оставалась бы непрерывно хоть нѣкоторая толика времени и вниманія для сосредоточенія на болѣе крупныхъ литературныхъ трудахъ. Въ средѣ судей—и особенно кассационныхъ сенаторовъ—были у насъ всегда люди пишущіе, участвующіе въ юридическихъ журналахъ, издающіе томы законовъ съ разъясненіями. Но книги—самостоятельнаго изслѣдованія крупной области права—не написалъ, кажется, ни одинъ. Въ наибольшей мѣрѣ писателемъ (если не считать Побѣдоносцева и Пахмана, перешедшихъ въ сенатъ изъ профессуры и писавшихъ по должности профессоровъ, а не сенаторовъ)—являлся Боровиковскій. Но и его трехтомный «отчетъ судьи»—въ сущ-

ности сборникъ статей полупублицистическаго оттѣнка; а попавъ въ сенатъ, и Боровиковскій открыто заявилъ, что уже не имѣетъ больше досуга для писанія такихъ «монографій» и долженъ свои наблюденія излагать въ бѣглыхъ журнальныхъ статьяхъ. Серія этихъ статей (начатая въ журналѣ м. юст. подъ заглавіемъ «Въ судѣ и о судѣ») оборвалась, впрочемъ, на второй статьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оборвалась почти окончательно вся литературная его дѣятельность. Одинъ только Исаченко успѣвалъ во всѣхъ фазисахъ своей жизни проявлять равномерно-дѣятельный интересъ и къ судейской, и къ литературной области.

И я не сомнѣваюсь, что даже радостный день юбилея встрѣтилъ его въ тиши рабочаго кабинета надъ синею обложкою очереднаго сенатскаго дѣла,—и надъ грудой карточекъ съ тезисами для очереднаго литературнаго изданія. Такъ протекала до сихъ поръ вся долгая трудовая жизнь его, такъ пройдутъ, вѣроятно, и тѣ дни достойной старости, которые ему еще предназначены судьбою.

Немощный тѣломъ, исхудалый, обреченный на борьбу своихъ слабыхъ легкихъ съ недружелюбнымъ петербургскимъ климатомъ, удрученный постепеннымъ ослабленіемъ зрѣнія, онъ черпаетъ изъ какихъ-то невидимыхъ источниковъ ровное неустанное воодушевленіе,—непостижимую въ этомъ слабомъ тѣлѣ упругость воли и свѣжесть мысли. Все создается и выполняются новые плавы, все манитъ еще неизвѣданное, все еще глубокою радостью наполняетъ всякое достиженіе. Такова сила искренней дѣйственной любви къ своей жизненной задачѣ.

Задача эта опредѣлилась впрочемъ не сразу. По образованію математикъ, Исаченко сначала занимался преподавательскою дѣятельностью и даже написалъ книгу по математикѣ: «Курсъ теоретической ариметики». Но лишь только въ томъ краѣ, гдѣ онъ жилъ (въ западныхъ губерніяхъ), появился новый судъ—въ 1872 году мировой, а затѣмъ, въ 1883 году, и общій—его потянуло въ новую, оказавшуюся наиболѣе ему близкою и родственною, стихію,—и съ тѣхъ поръ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, жизнь его является сплошнымъ, непрерывнымъ и неутомимымъ, служеніемъ идеямъ судебныхъ уставовъ.

Въ служеніи этомъ не было, если угодно, паоса молодой восторженности, которую носили въ сердцахъ своихъ творцы

уставовъ и молодежь кружковъ, готовившаяся стать первыми насадителями новыхъ идей. Натурѣ Исаченко вообще не свойственъ паосъ общихъ идей. Но ей свойственно здоровое, ровное ощущеніе соответствія практическаго рѣшенія болѣе тѣсной, но опредѣленной идеѣ закона,—отчетливое и ясное пониманіе тѣхъ формъ, въ которыхъ конкретизировалась общая идея. Людямъ его поколѣнія, первымъ мало замѣтнымъ провинціальнымъ труженикамъ на нивѣ новаго суда, и не нужно было для воодушевленія къ дѣятельности ни рѣзкихъ, обобщенныхъ,—всегда отдающихъ нѣкоторою дозою политики,—антирезъ между старымъ и новымъ, ни углубленія философско-политической концепціи новаго суда. Эту концепцію они восприняли какъ готовую, непреложную, впередъ данную, не нуждающуюся болѣе въ оправданіи и требующую лишь одного: умѣлаго и неизмѣннаго воплощенія въ жизни. И, какъ трудолюбивые муравьи, они разносили крупичи ея всюду, гдѣ возродившаяся жизнь предъявляла на нихъ спросъ. Этотъ мелкій, муравьиный, но огромный по объему своему, трудъ, выявившій всю жизненность и практичность судебныхъ уставовъ, и создалъ около нихъ броню, отъ которой отскакивали стрѣлы противниковъ, всегда неизмѣнно пользовавшихся однимъ и тѣмъ же, весьма ходкимъ, и весьма дешевымъ, аргументомъ: мнимою «отвлеченностью» реформатскихъ начинаній 60-хъ годовъ.

Трудъ этотъ исполнялся къ тому же съ особенною горделивою сдержанностью, чуждающеюся искательства и жажды внѣшняго поощренія,—свойственною всякому идейному служенію, какъ бы ни была ограничена его сфера,—характерною особенно для вѣрующаго пионера на нивѣ общественной.

Однимъ изъ пионеровъ такого типа былъ Исаченко. Первые шаги на поприщѣ судебной дѣятельности пришлось ему ставить, какъ сказано, въ Западномъ краѣ, среди разноплеменнаго населенія—русскихъ, поляковъ, евреевъ, литовцевъ. Эта разноплеменность окружала его, впрочемъ, уже съ дѣтства. Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ остался въ ней до поступленія въ университетъ, а затѣмъ тотчасъ по окончаніи курса, въ 1865 году, вернулся въ Западный край, въ Минскую губернію, гдѣ протекли цѣлыхъ 34 года: и время преподавательской дѣятельности, и годы службы въ качествѣ мирового судьи (съ 1872 по 1883 г.), и послѣдующія за-

тѣмъ 16 лѣтъ (съ 1883 по 1899 г.) дѣятельности въ качествѣ члена и товарища председателя минскаго окружнаго суда. Это продолжительное пребываніе въ разношерстной по племенному составу средѣ—отпечатлѣлось въ душѣ Исаченко какою-то особенною мягкою и привлекательною терпимостью: онъ этой окружающей его разноплеменности даже какъ будто не видѣлъ, не воспринималъ. Тутъ было, конечно, нѣчто и изъ общей психики людей того вѣка, но было и индивидуально характерное для самого Исаченко: мнѣ всегда казалось, что онъ просто лишенъ способности видѣть за *человѣкомъ* еще нѣчто: поляка, еврея, литовца. Онъ знаетъ категоріи истца и отвѣтчика, праваго и виноватаго,—но никакихъ болѣе. И этотъ трогательный органическій недостатокъ его съ особенною теплотою и любовью вспоминается до сихъ поръ тяжущимися и адвокатами того края, гдѣ такъ много вторгается въ правосудіе элементовъ націоналистической злобы и неправды. Теплота и любовь сопровождала его изъ провинціи въ Петербургъ, и еще въ теченіе долгихъ лѣтъ бывшіе «земляки» стучались въ его двери въ Петербургъ, жалуются на новыя вѣянія и находя у своего, всегда доброжелательнаго, стараго судьи совѣтъ, поученіе и утѣшеніе.

Изъ нѣдръ провинціального суда Исаченко извлеченъ былъ въ Москву (въ 1899 г.), а затѣмъ (въ 1901 г.) и на болѣе широкую петербургскую арену исключительно благодаря достигнутой имъ литературной извѣстности. То было время министерства Муравьева и его затѣи съ пересмотромъ судебныхъ уставовъ. Исаченко, какъ выдвинувшійся процессуалистъ (комментарій его сталъ выходить выпусками еще въ 1890 г.), былъ вызванъ въ 1898 г. въ Петербургъ для участія въ работахъ комиссіи по пересмотру, а года три спустя назначенъ былъ товарищемъ оберъ-прокурора сената. Муравьевъ—при всей внутренней его неискренности въ отстаиваніи судебныхъ уставовъ, роднящей его политику съ нынѣшнимъ режимомъ въ области юстиціи, обладалъ однако особою вѣдомственной гордостью, заставлявшей его искать для высокихъ судебныхъ постовъ, поскольку не была въ дѣло замѣшана политика, людей, пользующихся научно-общественнымъ признаніемъ. Онъ любилъ во всемъ декорумъ—въ рѣчи, въ позѣ, въ строѣ своего вѣдомства—и съ удовольствіемъ украшалъ потому фасадъ судебного зданія блескомъ популярныхъ

именъ. При немъ оберъ-прокуроромъ былъ назначенъ Боровиковскій, первоприсутствующимъ Мясоѣдовъ—при немъ же попалъ въ сенатъ и Исаченко. Съ тѣхъ поръ Исаченко уже съ сенатомъ не разлучался. Въ составѣ нашей «стоячей магистратуры» онъ занялъ—особенно при Мясоѣдовѣ—чрезвычайно вліятельное положеніе. Можно безъ преувеличенія сказать, что ни одно изъ болѣе крупныхъ разъясненій въ области процесса не состоялось за это время безъ дѣятельнаго его участія. Въ отношеніи Мясоѣдова къ Исаченку сказывалось впрочемъ не одно уваженіе къ познаніямъ процессуалиста: это праведный безпристрастный судья чутьемъ находилъ въ другомъ нѣчто ему близкое, сродное. Помнится, какъ-то разъ пришлось бесѣдовать съ Мясоѣдовымъ по одному тяжелому случаю. Дѣло было разрѣшено сенатомъ явно ошибочно, и палата отказалась ему подчиниться. Дѣло вторично поступаетъ въ сенатъ, и оказывается, что, по заведенному въ сенатѣ порядку, оно должно поступить въ тотъ же столъ, къ прежнему докладчику; мало того: обнаружилось, что докладчикъ самъ уже просилъ направить къ нему дѣло,—просьба, противъ которой возражать еще никто никогда не осмѣливался. Формально никакихъ резонновъ для изытія дѣла отъ докладчика не было,—но Мясоѣдовъ своей непосредственностью и прямою не такіе умѣлъ гордіевы узлы рубить. Слушалъ, слушалъ,—молча насупивши брови,—перелисталь быстро дѣло и, ударяя ладонью по бумагамъ, произнесъ привычно и рѣшительно своимъ густымъ, прерывистымъ басомъ:—«Дѣло неладно. Направлю къ Исаченку. Онъ все расчиститъ. Довольны?» Мнѣ оставалось только благодарить.

Заключенія Исаченко въ качествѣ товарища оберъ-прокурора не отличались внѣшнимъ блескомъ. Онъ не ораторъ, какъ и огромное большинство представителей нашей гражданской оберъ-прокуратуры, назначаемыхъ изъ состава судей и не имѣющихъ потому случая развить ораторскія дарованія, даже когда природа ими не обидѣла. Но онъ не замыкался никогда въ рамки приготовленной впередъ бумажки,—онъ *слушалъ* пренія и принималъ въ нихъ участіе, то черпая въ рѣчахъ сторонъ матеріалъ для полемики, то подчиняясь убѣдительнымъ доводамъ и открыто отступаясь отъ своего ошибочнаго мнѣнія. Заключенія Исаченко были всегда вѣски, авторитетны, основаны на добросовѣстномъ изученіи

дѣла и превосходномъ знаніи сенатской практики. Къ нимъ прислушивались, — чашка вѣсовъ почти всегда склонялась въ ихъ сторону. Къ тому же — чего грѣха таить — онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые писали «проекты» по *всѣмъ* дѣламъ, а пропорціонально этой способности и готовности растеть, естественно, и вліяніе. И вся эта большая работа двигалась у него всегда какъ-то необычайно легко и быстро. Заключеній (проектовъ то-жъ) всегда бывало накоплено про запасъ на цѣлыхъ полгода впередъ. Неожиданное назначеніе въ сенаторы причинило ему потому своеобразныя хлопоты: оно застигло его съ огромнымъ запасомъ неиспользованныхъ проектовъ...

Дѣятельность Исаченко въ качествѣ кассационнаго судьи, естественно, лишь въ слабой степени отражается въ сборникахъ кассационныхъ рѣшеній. Самая обширная, отдѣленная работа сенаторовъ гласности не передается. Но и среди печатныхъ кассационныхъ рѣшеній можно — правда, безъ точной статистики, по одному лишь зрительному впечатлѣнію, — почти съ увѣренностью сказать, что большинство докладовъ выпадаетъ на долю Исаченка. По отзывамъ изъ сенатскихъ сферъ никто такъ охотно и легко не пишетъ, какъ онъ. Съ нѣкоторою тѣнью упрека — на нашъ взглядъ дѣлающаго ему только честь — прибавляютъ, что никто и не возбуждаетъ такъ охотно «департаментскихъ» вопросовъ, какъ онъ. Страхъ передъ департаментскими вопросами въ послѣднее время сталъ по-истинѣ паническимъ. Громоздкость департаментскаго аппарата, съ его предварительною печатною подготовкою, съ предварительнымъ совѣщаніемъ и — что особенно страшно — съ опасностью, что обнаружится, при ближайшемъ разсмотрѣніи, отсутствіе «вопроса», — заставляетъ многихъ искусственно душить проблемы, несомнѣнно новыя и общія, и укладывать дѣла на прокрустово ложе старыхъ прецедентовъ. Исаченко чуждъ этого малодушнаго страха. Его не только манитъ и привлекаетъ новое, требующее ясности и углубленія, — онъ беретъ на себя и подобающую судьи отвѣтственность за свою рѣшимость и несетъ на своихъ плечахъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе, послѣдствія ея.

Среди всей этой груды сенатской работы 75-лѣтній старецъ находитъ время и энергію погружаться во все новыя литературныя дѣла, — переиздавать старыя и предпринимать

новыя работы. Комментарій къ гражданскому процессу печатается нынѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже *четвертымъ* изданіемъ. «Русское Гражданское Судопроизводство» вышло недавно 3-мъ изданіемъ. Въ 1906 и 1907 г.г. появились впервые два «Свода кассационныхъ положеній», выдержавшіе нынѣ уже по 2 изданія. Въ 1912 году вышелъ новый крупный трудъ объ «Особыхъ производствахъ», а въ 1913 году два новыхъ труда: «Мировой Судъ» и «Обязательства по договорамъ». Последняя книга, изданная нынѣ въ сотрудничествѣ съ сыномъ, задумана была еще много лѣтъ тому назадъ: мысль о ней зародилась въ дружескихъ бесѣдахъ Исаченко съ С. А. Муромцевымъ. Муромцевъ, вѣздившій тогда еженедѣльно въ Петербургъ для чтенія лекцій въ Александровскомъ Лицеѣ, бывалъ частымъ гостемъ Исаченко, котораго очень цѣнилъ, какъ справедливаго, богатаго практическимъ опытомъ судью, всегда готоваго прислушаться къ голосу науки. И вотъ у обоихъ у нихъ явилась мысль соединить *facultés maîtresses* того и другого въ общемъ трудѣ — въ научно-практическомъ комментарий къ X тому. Слѣдъ отъ этой мысли остался на обложкѣ одного изъ сочиненій Исаченко, въ видѣ объявленія о готовящемся къ печати совмѣстномъ трудѣ Муромцева и Исаченко. На этомъ объявленіи дѣло закончилось — по крайней мѣрѣ для Муромцева. Бурные годы политической жизни отвлекли его къ болѣе важному и отвѣтственному дѣлу, а затѣмъ вынужденный отдыхъ отъ политической дѣятельности приковалъ его къ Москвѣ. Исаченко, однако, исполнилъ, повидимому, свою «практическую» часть работы, — результатомъ ея и является появившійся только что толстый томъ объ «Обязательствахъ по договорамъ».

Всѣ литературныя работы Исаченко являются нынѣ настольными книгами для юристовъ-практиковъ. Ясный, простой стиль, мѣткій, но всегда считающійся съ требованіями практическаго смысла анализъ, богатство сопоставленій, обличающее необычайную память и большую добросовѣстность автора, обиліе сенатской практики безъ раболѣпнаго къ ней отношенія — таковы отличительныя черты всѣхъ трудовъ Исаченко. Достоинства эти отмѣчены давно литературной критикой, отмѣчаются и сейчасъ изо дня въ день повременною печатью: трудолюбивый юбиляръ не даетъ уснуть критикѣ. Нѣтъ потому надобности, въ краткой юбилейной статьѣ обращаться вновь къ детальной оцѣнкѣ его литературной дѣя-

тельности. Не приходится и подводить итоги этой дѣятельности. Юристы-практики, питающіеся его трудами, не знаютъ, не догадываются и не желаютъ знать, что Исаченкъ *уже* 75 лѣтъ. Они знаютъ, что Исаченко *еще* такъ же пишетъ, какъ писалъ, *еще* такъ-же откликается на всякое новое явленіе юридической жизни, какъ и раньше. И зная это, они вѣрують и ждутъ, что изъ пера его выйдетъ еще не одна полезная книга, что его познанія, богатый опытъ и чуткая судейская совѣсть еще долго будутъ служить дѣлу русскаго правосудія.

М. Винаверъ.
